

относится к восприятию этого явления. Так как большинство информации в этом случае сознательно являются незаметными или скрытыми для обыденного использования, с целью усложнения или внушения ложных данных, распознать которые очень затруднительно.

Литература:

1. Анисимова, И. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: особенности предмета и объективной стороны преступления / И. А. Анисимова // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2020. – № 1. – С. 3–8.
2. Мельникова, Т. Пропаганда как технология политического манипулирования / Т. Мельникова // Власть. – 2010. – № 8. – С. 47–51.
3. Москалев, Г. Л. Пропаганда терроризма / Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / Nota bene. – 2018. – Вып. 59, № 6. – С. 79–87.
4. Хутуев, В. А. К вопросу об ответственности за пропаганду терроризма / В. А. Хутуев // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 113–116.

*К.Л. Снисаренко,
старший преподаватель БГУ (Минск, Беларусь)*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Традиционно под социально-политической поляризацией понимается расхождение позиций между партиями и их избирателями в определенный период времени (positional polarization). Этот процесс рассматривается в контексте проекции идеологических установок на повестку дня, ее влияние на настроения электората. Как показали политические исследования последних десятилетий, расхождение позиций может происходить и в других случаях.

Развитие цифровой коммуникации привело к появлению структурной поляризации, или поляризации взаимодействий (interactional polarization). По мнению испанского социолога М. Кастельса, прорыв в сфере цифровых технологий совпал с изменением принципов общественной организации [1]. На авансцену вышло сетевое общество, которое противопоставляет иерархичной системе государств горизонтальные связи индивидов, объединяющихся вокруг общих интересов и мировоззрения. Сетевые общества стали интерактивными площадками для генерирования смыслов. Данная функция связана с работой их программ. Алгоритмы во многом определяют мировоззрение участников, что может привести к замыканию сетевого общества в самом себе.

Особенности структурирования коммуникации приводят к фрагментированию поля дебатов, размежеванию политических позиций в сетевом обществе. Например, левые либералы США могут взаимодействовать

с умеренными демократами, но практически не контактируют с правыми консерваторами. Стремление поддерживать близкие связи с людьми схожих взглядов и дистанцироваться от идейных оппонентов привело к тому, что интернет-сервисы сформировали виртуальную социальную реальность. Образуются «информационные пузыри», которые концентрируются на полюсах политического спектра. Пандемия коронавируса COVID-19 ограничила прямые контакты и расширила онлайн-интеракции между людьми. Следствием этого стал идеологический разлом американского общества под влиянием движения «Black lives matter», выборов президента США и штурма Капитолия сторонниками праворадикальных движений.

Таким образом, структурная поляризация характеризуется ростом идейного противостояния между разными политическими силами и слоями общества вследствие особенностей общения посредством цифровых коммуникационных технологий. Современное виртуальное пространство стало питательной средой для идеологического противоборства. Интернет дает анонимность своим пользователям, что ведет к снижению уровня морально-этической ответственности. Цифровые технологии коммуникации позволяют заинтересованным группам готовить и совершать информационные провокации, направленные на политическую дестабилизацию оппонентов. В их распоряжении «фейковые новости», слухи, резкие оценочные суждения. Сетевое пространство слабо поддается государственному регулированию в силу своего характера и транснациональности.

В таких условиях большое значение приобретает своевременное выявление и анализ возможных линий раскола в сетевом обществе, что позволит выработать эффективные способы противодействия. Важной составляющей этого может стать концепт аффективной поляризации (*affective polarization*). Многие исследователи относят ее к отдельному типу. Однако аффективную поляризацию можно определить как начальный этап развития социально-политической поляризации. В подтверждение этой точки зрения следует отметить, что аффективная поляризация связана с эмоциональной составляющей политических процессов. Она определяет отношение к какой-либо группе, ее ценностям, но не предполагает действий по отношению к ним.

Аффективная поляризация связана с процессом самоидентификации индивида, что укладывается в рамки теории социальной идентичности А. Тэшфела [2]. Согласно ней социальная идентичность возникает в момент осознания индивидом своей эмоциональной привязанности к группе. Идентифицируя себя с сообществом (ингруппой), он конструирует свои представления о противостоящей ему аутгруппе. Важным следствием такого подхода к аффективной поляризации является то, что в ней отражается размежевание не отдельных личностей, а социальных групп. Еще одной существенной ее особенностью видится тесная связь с использованием цифровых каналов и платформ коммуникации. На этом основании можно утверждать о перспективности использования не только социологических

методов диагностики, но и метода фиксации языка вражды (hate speech) в онлайн-дискурсе. Под ним авторы данного метода Д. К. Стукал, А. С. Ахременко, А. П. Петров подразумевают вербальное поведение, направленное на унижение достоинства, в том числе через призывы к насилию или дискриминации [3, с. 485]. Сочетание предварительной машинной и окончательной ручной обработки массива сообщений пользователей социальной сети «ВКонтакте» в связи с переговорами глав Российской Федерации и Республики Беларусь в 2020–2021 гг. позволила им выявить три линии расколов в российском и белорусском обществах.

Литература:

1. Castells, M. *Communication Power* / M. Castells. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. – 574 p.
2. Tajfel, H. *An integrative theory of intergroup conflict* / H. Tajfel, J. C. Turner // *The social psychology of intergroup relations* // W.G. Austin, S. Worchel (eds.), – Monterey: Brooks Cole Publishing, 1979. – P. 33–37.
3. Стукал, Д. К. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? / Д. К. Стукал, А. С. Ахременко, А. П. Петров // *Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология.* – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 480–498.

*В.М. Слепокуров,
аспирант УМЦ им. В.В. Жириновского (Москва, Россия)
Научный руководитель – д.полит.н. В.Ф. Кузнецов*

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОСТИ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В ЭПОХУ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ

Массовая цифровизация и сетевизация в третьем тысячелетии вносит существенные изменения во взаимоотношениях между акторами общественно-политического ландшафта [4]. При этом «современный этап государственного управления требует создания полноценной системы интегрированных политических коммуникаций» [2, с. 77]. Есть потребность выделения проблемного поля в политической, государственной и бизнес-сферах, с целью оценки ресурсного потенциала и возможностей взаимоприменяемости специальных технологий.

Современный государственный менеджмент демократических стран все больше тяготеет к «концепции политических сетей». Опираясь на потребности гражданского общества, все больше выявляется необходимость заменить иерархическое администрирование на некую новую форму управления. При этом, «эффективность управления проявляется в достижении целей с учетом соотношения затраченных ресурсов и полученных результатов» [1, с. 44]. Согласно теории политических сетей, в эффективном управлении